Всё-таки стоит винить старого Хэ, это он тогда пообещал привезти обоих детей на родину.

Тот по доброте душевной помог старику Хэ с этим делом, но никак не ожидал, что доведёт его лишь до половины, а в итоге вернётся на родину только Сяо Маньцзы.

Вот почему не стоит попусту проявлять доброту.

Хэ Линьнань в удушье молча смотрел на Цинь Мяня. В последнее время Цинь Мянь неизменно вежливо звал его преподавателем Хэ, отчего у него было неспокойно на душе — так было бы лучше, как сейчас.

Хухэлу, — хриплым и невнятным голосом позвал он Сяо Маньцзы по настоящему имени. — Ты теперь… хоть на живого человека похож.

Хухэлу означает Зелёный Дракон.

Имя, данное в детском доме. В стране Вайгу очень любят называть маленьких детей Зелёный Дракон, Белый Дракон — крикнешь, и сбежится целая толпа ребятишек, словно угодил в драконье логово.

Цинь Мянь первым отвел взгляд и протянул руку, обхватив его за плечи.

Не смей упоминать Цицигэ, — он услышал голос Цинь Мяня прямо над собой. — Не смей ее упоминать.

В голове Хэ Линьнаня царил полный хаос, он был не уверен, происходит ли то, что происходит, на самом деле.

Ему показалось, будто Цинь Мянь обнял его, а теплая ладонь накрыла затылок и дважды погладила.

Рука, зажатая между его шеей и плечом, обладала слишком мощной силой, передняя часть шеи оказалась прижата к плечу Цинь Мяня, а кадык чуть ли не дробился в щебень.

К тому же при таком положении жутко хотелось кашлянуть.

Хэ Линьнань не был уверен, обнимает ли его Цинь Мянь или собирается вот так задушить.

Он инстинктивно уперся руками в грудь Цинь Мяня, но из-за ударившего в голову алкоголя сил не было.

Когда ему показалось, что через секунду он умрет, Цинь Мянь отпустил его.

Замерев на секунду, Хэ Линьнань окончательно развалился и осел на пол, заходясь кашлем.

Кашель затуманил зрение. Он бросил косой взгляд на расплывчатую фигуру Цинь Мяня, желая спросить: «Ты меня сейчас обнял?» — но, прокашлявшись, фраза сорвалась с губ совсем иначе: «Ты хочешь меня убить?»

Пока он задавал вопрос, Цинь Мянь как раз взял упаковку нераспакованных влажных салфеток и оторвал защитную наклейку. Услышав его вопрос, он повернул голову: «А как по-твоему?»

Хэ Линьнань глубоко вздохнул, приподняв плечи, пытаясь заставить кости сместиться и освободить побольше места для воздуха, как вдруг почувствовал, что подбородок странным

образом холодит.

Цинь Мянь вытащил одну влажную салфетку, затем вторую, зажал их в руке и присел на корточки перед ним.

Салфетка неторопливо прошлась по его подбородку, и тогда Хэ Линьнань понял, что холодил его собственный потекший слюноотделение.

Салфетки по-прежнему пахли мятой. В том переулке, когда Краб разбил ему нос до крови, Цинь Мянь точно такими же салфетками с мятным ароматом вытирал ему лицо.

Вскоре он с ужасом обнаружил в себе перемену, которой быть не должно. Он не опускал голову, боясь, что в тот самый момент, когда он взглянет вниз, Цинь Мянь тоже заметит его изменения.Он немного подобрал ноги и взял у Цинь Мяня влажную салфетку: — …Я сам.

Хэ Линьнань поднялся на второй комнату этажа и принял душ.

Хмель выветрился, но по телу то и дело пробегали зябкие волны.

Он припал головой к подушке и включил телефон. Это был старый смартфон десятилетней давности с крошечным объемом памяти: помимо нескольких любимых фильмов для взрослых, там хранилась видеозапись пресс-конференции Цинь Мяня. Для Хэ Линьнаня пресс-конференция Цинь Мяня… служила ровно той же цели, что и сохраненные в телефоне фильмы для взрослых.

С экрана транслировалась конференция. Слушая вопросы репортеров, Цинь Мянь машинально и едва заметно поглаживал пальцами микрофон. Хэ Линьнань всерьез задумался о том, не заняться ли ему самоудовлетворением, чтобы хоть как-то себя обеспечить.

В конце концов он противился искушению добыть все своими силами и открыл в закладках местный новостной сайт Синьти.

Сайт был англоязычным, и на нем висели ориентировки на всех местных беглых преступников.

Честно говоря, он понимал, что вероятность поймать убийцу старого Хэ крайне мала.

Он отчетливо помнил те несколько десятков стволов, а еще — людей, которые перед лицом дул были настолько беспомощны, что ничего не могли поделать.

К тому же он даже не запомнил лицо того человека.

Невольно вздрогнув, он сполз ниже, еще сильнее утопая в одеяле, и максимально подтянул ноги к груди, пытаясь согреться, свернувшись калачиком.

Хэ Сяомань наконец дождалась очереди на операцию, но у него совершенно не было денег. Тогда он подписал контракт на съемку диких животных в необитаемых районах Африки: заказчик выплатил аванс, но некоторой суммы все равно не хватало, поэтому пришлось связаться с ростовщиками.

Документальный фильм о дикой природе состоял из двенадцати серий, съемки длились шесть лет. Он вернулся из Африки два года назад — в тот самый год, когда прославился Цинь Мянь.

Тогда Цинь Мянь только подписал контракт с бойцовской лиги TAS, не имея в ней еще ни единой победы, однако легендарный матчмейкер TAS Стивен Ли упорно стоял за него горой, сразу же предоставив Цинь Мяню возможность напрямую побороться за чемпионский титул.

Возможность выйти на титульный бой уже в первом поединке была беспрецедентным случаем за всю сорокалетнюю историю существования TAS.

Однако перед самым началом соревнований действующий чемпион в полусреднем весе внезапно повредил спину, и бой сорвался. В итоге соперником Цинь Мяня стал третий номер рейтинга — одна минута и тридцать шесть секунд, и Цинь Мянь одержал молниеносную победу.

Хэ Линьнань даже специально купил годовую подписку на платформе. Обычно она стоила восемь юаней в месяц, но в тот месяц, когда все гремело ради раскрутки боя Цинь Мяня, цену подняли до двадцати юаней в месяц.

Хэ Сяомань тоже устроилась в музей в том же году. Он на самом деле не слишком представлял себе, в чем заключаются ее обязанности: то ли водить почетных гостей по музею и проводить для них экскурсии по экспонатам, то ли заниматься реставрацией и уходом за реликвиями, то ли продавать входные билеты.Хэ Линьнань хотел сходить в музей, где работала Хэ Сяомань, а еще послушать ее рассказы — в конце концов, Хэ Сяомань с детства любила подобные вещи, и стоило за ней не уследить, как она тайком лазила по могильным холмам в поисках зарытых в земле старых медных монет.

Но он не мог увидеться с Хэ Сяомань: его болезнь не отступала, и восемь лет назад, когда у него случился приступ галлюцинаций, он поднял на Хэ Сяомань руку.

Он толкнул Хэ Сяомань, а позади нее находилась лестница. К счастью, Хэ Сяомань вовремя ухватилась за перила, лишь подвернув лодыжку, но не скатилась вниз.

Протащив полосу прокрутки на экране смартфона до самого конца, он пересмотрел всех преступников из розыска за эту неделю, но среди них не нашлось ни единого лица, способного вызвать у него хоть какое-то эмоциональное потрясение.

Хотя он ничего не помнил, он совершенно точно видел лицо убийцы, и был уверен, что стоит ему взглянуть еще раз, всего один единственный раз, и он непременно все вспомнит.

Дверь со щелчком отворилась.

Кэла направился прямо к нему.

Хэ Линьнань бросил телефон и поднял голову на Кэлу.

Кэла зажал в руке стеклянную бутылочку с напитком и протянул ее ему.

По редким английским надписям на бутылке Хэ Линьнань узнал средство от похмелья. Он приподнялся на кровати, взял стеклянную бутылку, отвинтил крышку и, запрокинув голову, влил в себя лекарство.

Он впервые пил подобную дрянь, но на вкус она оказалась лучше, чем он ожидал — никаких странных привкусов, прохладная струйка потекла по пищеводу, и неприятное жжение в желудке мгновенно утихло.

— Я знаю, как ты познакомился с братом Мянем, — внезапно произнес Кэла. — Брат Мянь отбирал еду у бродячих собак у достопримечательности, а ты стоял рядом и снимал на видеокамеру — ну и сволочь же ты.

Хэ Линьнань сжал в руке пустую бутылку и медленно моргнул.

Он помнил тот кадр.

Туристы вышли из чайной, которую когда-то посетила королева, и бросили недоеденный торт собаке.

Тот подросток подскочил, выхватил коробку с тортом, а собака жалобно заскулила, жалко приоткрыла глаза, глядя на пацана, и, поджав хвост, бросилась бежать.

Подросток с коробкой торта в руках запоздало сообразил, что на него нацелена камера.

В тот день за камерой стоял как раз Хэ Линьнань.

В объективе Цинь Мянь выглядел так, будто держал в руках бомбу с зажженным бикфордом.

Цинь Мянь наконец посмотрел на него и пояснил:

— Если собаки едят сладкое, у них лезет шерсть.

Рука Хэ Линьнаня, которую многие наставники хвалили за железную твердость, задрожала, когда он столкнулся взглядом с Цинь Мянем, и этот кадр, который должен был получиться с первого дубля, оказался испорчен.

Если собаки едят сладкое, у них лезет шерсть.

Это было предлогом подростка, призванным защитить его гордость.

Собака голодала, и Цинь Мянь тоже голодал — кого тогда волновало, лезет у кого-то шерсть или нет.

На следующий день, в шесть часов утра.

Над Синьти уже взошло солнце. Перед рассветом прошел короткий дождик, и теперь от аллеи веяло запахом росы.

Ящерица, цветом почти неотличимая от древесной коры, прижалась к стволу дерева. Приближались шаги, она склонила голову, высунула раздвоенный язык и юркая поползла

вверх, скрывшись среди густой листвы, где затаилась без движения.

Кэла изо всех сил рванул вперед, с трудом нагоняя шедшего впереди Цинь Мяня, и затараторил:

— Брат Мянь, брат Мянь, то средство от похмелья, что ты велел мне отдать Хэ Линьнаню вчера вечером, я передал.

Цинь Мянь замедлил шаги, Кэла тоже сбавил темп, перебирая ногами, и добавил:

— Он выпил и вскоре лег спать.

Цинь Мянь бросил на него взгляд:

— Спасибо.

— Да за что спасибо, — Кэла с усердием припомнил детали и продолжил. — Но ты, брат Мянь, оказался прав: со сном у него и правда туго. Я встал около пяти пописать, так он сидел там и чуть меня до смерти не напугал!

Цинь Мянь:

— Старайся пить меньше воды перед сном.

Неожиданно удостоившись заботы от кумира, Кэла смущенно почесал затылок и хихикнул.

Пробежав вслед за Цинь Мянем с десяток минут, они добрались до конца тенистой аллеи, и, видя, что до их жилья уже рукой подать, Кэла не удержался от вопроса:

— Брат Мянь, зачем ты столько сил потратил на поиски Хэ Линьнаня? Узнав, что он в Синьти, ты приехал сюда специально на два месяца раньше — в чем же причина?

Цинь Мянь посмотрел на него и вновь проявил заботу:

— Не разговаривай, собьешь дыхание.

Счетчик издал писк, извещая о завершении десятикилометровой пробежки.

Цинь Мянь сбавил шаг, переходя с бега на ходьбу.

Завернув за угол, перед ними показался арендованный коттедж, причем острый кончик его бурой треугольной крыши как раз поглотило солнце.

В окне было видно белого кота, стоявшего на обувной полке и раздраженно взмахивающего длинным хвостом.

У этого кота был только один глаз, а со стороны Цинь Мяня виднелась лишь узкая щелочка. Такая внешность не имела ничего общего с привычным понятием миловидности, но для него самого это был огромный прогресс по сравнению с прошлым. Когда он воровал подношения у могилы Цицигэ, он выглядел куда страшнее: неизвестно, кто так жестоко над ним издевался, но половина кошачьей морды была в запекшейся крови, а вся шерсть сбрита клочьями, обнажая кровоточащие раны.

Цинь Мянь вошел внутрь и коротко свистнул.

Услышав свист, хвост белого кота мгновенно взметнулся вверх, прежде суженные глаза широко распахнулись, и кот, сверкая единственным медным глазом, соскочил с обувной полки.

Подпрыгнув к ногам Цинь Мяня, он трижды потерся вокруг них слева, трижды справа, а в завершение, виляя задом, рухнул перед Цинь Мянем на спину, выставляя напоказ брюшко словно в расчете на жалость.

http://bllate.org/book/34412/4242629